

Д.Н.Жаткин, С.В.Бобылева

И.И.КОЗЛОВ И КЛАССИКИ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (У.ШЕКСПИР, Р.БЁРНС):
ТРАДИЦИИ И ПЕРЕВОДЫ*Пензенская государственная технологическая академия*

The article considers the peculiarities of W.Shakespeare's and R.Burns's creative works' perception by the Russian poet and translator of the first third of the XIX century I.I.Kozlov. The authors note the influence of W.Shakespeare's tragedy «Othello» on I.I.Kozlov. The article also analyzes I.I.Kozlov's poems that are translations of R.Burns's poems or are free imitations of his works. A stress is set on the reflection of the Russian poet's inner life and it is the logic of its development that determines the choice of literary sources.

Тесную связь биографии поэта с его творчеством, являющуюся одной из характерных черт русской романтической лирики, можно по праву воспринимать в числе особо значимых характеристик литературной деятельности И.И.Козлова. Как справедливо отмечает И.Д.Гликман, Козлов с самого начала своего творческого пути «провозгласил право поэта на личные лирические излияния, за которыми, однако, стоит объективный мир в его сложном многообразии» [1]. Мир чувств и воспоминаний был единственно реальным миром для слепого и парализованного поэта, обладавшего феноменальной памятью и уникальными творческими способностями. По свидетельствам современников, Козлов знал наизусть всего Байрона, поэмы Скотта и лучшие места из Шекспира [2,3], активно обращался к переводам английской, итальянской, испанской, французской, польской поэзии.

И.И.Козлов всецело принадлежал замечательной поре расцвета романтической поэзии, образно названной Н.В.Гоголем «поэтической Элладой» [4]. Справедливо считая переживаемые чувства самоценными и достойными художественного воплощения, он особо акцентировал внимание на собственном внутреннем настрое: «Чувствительность есть и прекрасный, и пагубный дар неба. Я люблю своё сердце, каково оно есть» [5]. В этой связи убедительной и точной можно считать характеристику И.И.Козлова В.Г.Белинским в качестве «поэта чувств» [6], существенно отличающегося своими взглядами на окружающий мир от «поэта мысли» Е.А.Баратынского. Для Козлова было предельно важно вызвать читательское сопереживание, эмоциональный всплеск, способный внести в реальность повседневного мира мощное романтическое начало [см. 7].

Из обширного наследия великого английского поэта и драматурга У.Шекспира особое внимание И.И.Козлова-переводчика привлекла песня Дездемоны из трагедии «Отелло» (акт 4, действие 3), которая в интерпретации русского поэта получила название «Романс Дездемоны» (1830). Душевная боль, тоска, горечь разочарований — вот те чувства, которые связывали Козлова и шекспировскую Дездемону, — именно они проникновенно выражены в стихах, которые, по словам Белинского, «должны не читаться, а петься» [8]:

В раздумье бедняжка под тенью густою
Сидела, вздыхая, крушима тоскою:

Вы пойте мне иву, зеленую иву!

Она свою руку на грудь положила
И голову тихо к коленям склонила:

О, ива, ты, ива, зеленая ива!

Студеные волны, шумя, там бежали, —
И стон ее жалкий те волны роптали:

О, ива, ты, ива, зеленая ива!

Горючие слезы катились ручьями
И дикие камни смягчались слезами.

О ива, ты, ива, зеленая ива!

Зеленая ива мне будет венком! (178)

В обращении к иве ощутимо стремление Дездемоны найти выход для своей печали и тоски, обрести душевное успокоение. По мнению Белинского, «этот стих<...> не выражающий никакого определенного смысла, заключает в себе глубокую мысль, отрешившуюся от слова, бессильного выразить ее, и превратившуюся в чувство, в звук музыкальный... И потому-то этот стих так глубоко западает в сердце и волнует его мучительно-сладостным чувством неутолимой грусти...» [9].

Автор оригинального текста, видимо, не случайно избрал иву, плакучую иву, традиционно являющуюся символом слез и страданий, для отражения душевного состояния главной героини:

The poor soul sat sighing by a sycamore tree,

Sing all a green willow:

Her hand on her bosom, her head on her knee,

Sing willow, willow, willow:

The fresh streams ran by her, and murmur'd her moans;

Sing willow, willow, willow;

Her salt tears fell from her, and soften'd the stones;

Lay by these: —

Sing willow, willow, willow;

Prithee, hie thee; he'll come anon: —

Sing all a green willow must be my garland» [10].

(Бедная душа сидела, вздыхая, у платана, все пойте зеленую иву; ее рука на груди, голова на коленях, пой, ива, ива, ива; чистые ручейки струились около нее и тихо стонали вслед за ней, пой ива, ива, ива; капали ее соленые слезы и смягчали камни, лежащие рядом, пой, ива, ива, ива; пожалуйста, поторопись, он скоро придет, — все пойте зеленую иву, которая будет моим венком).

Как видим, отрывок из трагедии Шекспира был переведен Козловым предельно точно, почти дословно, — оказались опущенными только просьба к иве поторопиться спеть и ожидаемое появление любимого, что обуславливалось необходимостью придать переводу некую завершенность.

Тема скорби об утраченном счастье, преодоления душевного кризиса перекликается в творчестве Козлова с темой рока, «покорностью воле провидения, надеждой на потустороннее небесное блаженство» [1]. В этой связи представляет интерес обращение к образу Дездемоны в оригинальном стихотворении Козлова «К тени Дездемоны», эпиграфом к которому стала знаменитая строка из трагедии Шекспира «Отелло»: «Hast thou prayed...» (Молилась ли ты...). Будучи приведенными на языке оригинала, слова Шекспира были призваны сосредоточить восприятие на той вечной драме чувств, что лежит в основе земного бытия. У Шекспира эти слова становятся своеобразным ключом к развязке отношений между Отелло и Дездемоной: томимый ревностью муж убивает любимую жену после того, как получил ответ на свой вопрос «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?», в надежде на искупление собственного греха, на божественное прощение. Дездемона, «звезда любви», не могла найти счастья на земле, полной тревог и страданий, на что обращает внимание Козлов:

Кто небесным лишь дышала,
Та цвести здесь не могла (172).

Спасение для Дездемоны русский поэт видит в загробном мире, в неземном блаженстве. Здесь уместно вспомнить рассуждения Белинского о самом Козлове: «Таинство страдания, покорность воле провидения, надежда на лучшую жизнь за гробом, вера в любовь, тихое уныние, кроткая грусть, — вот обычное содержание и колорит его вдохновений. Присовокупите к этому прекрасный, мелодический стих — и муза Козлова охарактеризована вполне, так что больше о нем нечего сказать» [11].

Шотландский поэт Роберт Бёрнс начал обретать российскую популярность вскоре после смерти, с появлением в 1800 г. первого прозаического перевода «Обращения к тени Томсона» («Address to the shade of Thomson», 1791). И.И.Козлов был одним из первых русских поэтов, обратившихся к творчеству Р.Бёрнса. В 1829 г. в Петербурге была издана небольшая книга «Сельский субботний вечер в Шотландии. Вольное подражание Р.Борнсу И.Козлова», побудившая Н.А.Полевого к написанию первой в России статьи о жизни и творчестве Бёрнса, начинавшейся словами: «Имя Борнса доселе было неизвестно в нашей литературе. Г. Козлов первый знакомит русскую публику с сим замечательным поэтом» [12]. Автор статьи критиковал переводчика за стремление представить Бёрнса «простым крестьянином, который, между прочим, напевает на поэтической свирелке»; по его мнению, основной ошибкой Козлова было изображение «не пламенного певца Шотландии, сгоревшего в огне страстей, а простого поселянина, очень мило рассказывающего о своем сельском быте» [13].

«Сельский субботний вечер в Шотландии» Козлова был столь же критично встречен и Белин-

ским, писавшим в статье «Собрание стихотворений Ивана Козлова», что это «не перевод из Борнса, а вольное подражание» ему. Критик недоумевал, почему «после прекрасного обращения шотландского поэта к своей родине, переводчик (в XIX строфе) вдруг обратился к России. Положим, что его обращение полно патриотического жара; но уместно ли оно — вот вопрос! <...> А жизнь шотландская, представляемая Борнсом в его прекрасной идиллии, столько же похожа на жизнь наших мужиков, баб, ребят, парней и девок, сколько муза Каллиопа на Хераскова» [14].

Стихотворение Бёрнса «The Cotter's Saturday Night» («Субботний вечер поселянина») претерпело ряд существенных изменений в процессе перевода Козловым. Сам Козлов оценивал результаты своей работы как «вольное подражание», не претендуя, таким образом, на точность перевода. И действительно, при переводе на другой язык литературное произведение подвергается «своего рода изоляции от родной почвы и родственных произведений», приобретает «чужое, несвойственное ему ранее звучание, теряет какие-то из своих качеств», однако вместе с тем получает «новые функции», которых оно ранее не имело [15]. Шотландский оригинал преломляется через творческое восприятие переводчика, с его характерными чувствами, представлениями и убеждениями, индивидуальным мастерством. Так, например, посвящение Бёрнса Роберту Эйкину в начале стихотворения заменено посвящением Ал. Ан. В...к.вой (к тому времени уже умершей Александре Андреевне Воейковой), ставшей Козлову другом, утешительницей и музой. Эта «кисячная, задумчиво-нежная» женщина «с легкой походкой, с голубым, добрым взглядом и приятным звучным голосом» [16], всесторонне образованная, занималась рисованием, увлекалась музыкой, знала языки, в том числе и английский, переводила статьи для газет, которые редактировал ее муж. А.А.Воейкова и И.И.Козлов иногда устраивали чтения, декламируя Шекспира, Вальтера Скотта, Мильтона, Шелли, Т.Мура и Байрона. В посвящении Козлова переживания, вызванные потерей близкого друга, сочетаются с горестью собственной судьбы:

Кругом гроза; но ты была со мной,
Моя судьба твоей душой светлела;
Мне заменил твой дружеский привет
Обман надежд и блеск веселых лет...

И далее:

В уме моем ты мыслию высокой,
Ты в нежности и тайной, и глубокой
Душевных чувств, и ты ж в моих очах
Как яркая звезда на темных небесах (161, 162).

Другим отступлением от оригинала стало дополнение стихотворения строфой, содержащей обращение Козлова к России:

А я к тебе, к тебе взываю я,
Святая Русь, о наша мать-земля!
Цвети, цвети, страна моя родная!

.....
Страна сердец, и дум, и дел высоких! (169).

Последними словами обращения автор выражал свои патриотические чувства, надежду на процветание

страны при соблюдении законов веры и чести, верности искусству, причем форма выражения напоминала молитвенное обращение, что подчеркивало религиозность русского поэта:

Верна царям и верою хранима,
Врагу страшна, сама неустрашима,
Да будут честь и нравов простота
И совести народной чистота
Всегда твоей и славой и отрадой,
И огненной кругом тебя оградой,
И пред тобой исчезнет тень веков

При звуке струн восторженных певцов! (169).

Именно эта часть вольного подражания Козлова и вызвала негодование Белинского. Вместе с тем можно предположить, что автор намеренно использовал возвышенное обращение к «Святой Руси», стремясь приблизить шотландский оригинал к реалиям своей страны, вызвать эмоциональный подъем у российских читателей.

Введение русским поэтом-переводчиком новых, отсутствующих в исходном тексте слов и мыслей, в которых ощущается стремление сопоставить себя с Бёрнсом, убедительно свидетельствует о правоте слов В.А. Жуковского: «Подражательный стихотворец может быть автором *оригинальным*, хотя бы он не написал ничего собственного. Переводчик в прозе есть *раб*; переводчик в стихах — *соперник*» [17]. В обеих привнесенных русским романтиком частях стихотворения звучат мотивы, пронизывающие все его творчество: мотив страдания, очищающего и просветляющего человека, мотивы дружбы и любви к родине [18,19]. Во многих произведениях Козлова получила развитие идея смирения и покорности воле Божьей, которая и определила выбор стихотворения шотландского поэта, изображающего тихую семейную жизнь обычного богобоязненного сельского труженика в атмосфере любви и дружбы. Эпиграф, взятый из «Элегии, написанной на сельском кладбище» английского поэта Томаса Грея, указывает на элегические мотивы и подражание сентименталистам [см. 20,21].

Вполне достоверно Козловым переданы основное содержание и тональность произведения Бёрнса. Поэт сохранил пятистопный ямб оригинала; увеличение количества стихов до 288 вместо 189, равно как и увеличение числа строф до 19, не воспринималось отступлением от исходного текста.

Основополагающей идеей стихотворения Р.Бёрнса можно считать идею повиновения воле провидения и соблюдения религиозно-нравственных норм поведения. Это подтверждается сценами пения псалмов после ужина, чтения Евангелия и молитвы перед сном, сценой поучения родителями своих детей:

Their master's and their mistress's command,
The youngers a' warned to obey;
And mind their labours wi' an eydent hand,
And ne'er, tho' out o' sight, to jauk or play;
«And O! be sure to fear the Lord alway,
And mind your duty, duly, duly, morn and night;
Lest in temptation's path ye gang astray,
Implore His counsel and assisting might:
They never sought in vain that sought the Lord aright» [22]

(Указ хозяина и хозяйки предупреждает детей о повиновении и очень аккуратном и тщательном выполнении своей работы, никогда, даже когда не видят родители, не дразниться и не играть в азартные игры. «Всегда бойтесь Бога и как следует молитесь утром и вечером, чтобы соблазн не свел вас с пути истинного. Просите Его дать вам сил и наставлений. Никогда не тщетны поиски тех, кто ищет Бога искренне).

Перевод Козлова близок оригиналу:

Что мать с отцом велят повиноваться,
Радушно жить и помнить Божий страх,
От нужд искать убежища в трудах,
И день и ночь порочных дум чуждаться,
Правдиву быть на деле и в речах —
Он вкоренял от детства в их умах;
Он говорил: «К прекрасному дорога
У всех одна — Творца о всем молить,
Не делать зла, добро всегда творить;

С тем будет Бог, кто сердцем ищет Бога» (164). Однако в русской поэтической интерпретации исчезло упоминание о родительском наставлении и не дразниться и не играть в азартные игры, а просьба «правдивыми быть на деле и в речах», звучащая у Козлова, напротив, отсутствует в оригинале. Употребление Бёрнсом фразы «their master and mistress» («их хозяин и хозяйка») указывает на большую степень повиновения детей своим родителям, их зависимость от родителей. Это вполне соответствует общему контексту стихотворения, — достаточно вспомнить, с каким благоговением и радостью дети встречали отца:

Уже детьми он шумно окружен —

Обнять отца бегут со всех сторон (162).

У Козлова мы видим некое преуменьшение роли родителей в жизни детей появлением традиционного «мать с отцом» и, соответственно, усиление роли Бога, Божественного Промысла. Обращение к Библии в целом характерно для творчества И.И. Козлова. Известно, что тяжело больной поэт «знал наизусть все Евангелие и все молитвы» [23]; в религии он нашел умиротворение и возможность возвыситься над собственным несчастьем.

В другом стихотворении Роберта Бёрнса, переведенном Козловым на русский язык, — «To a Mountain Daisy, On turning one down with the Plough, in April, 1786» — был также заметно усилен традиционный для переводчика мотив религиозной резиньяции (в частности, строфы VIII: «Till, wrench'd of ev'ry stay but Heav'n, He, ruin'd, sink!» [24] — «Приюта нет; он отдохнет на небесах!» (170)). Оригинальное название стихотворения шотландского поэта было несколько изменено Козловым: вместо горной маргаритки («mountain daisy») в русской версии появилась маргаритка полевая, введено имя автора. В результате стихотворение стало называться «К полевой маргаритке, которую Роберт Борнс, обрабатывая свое поле, нечаянно срезал железом сохи в апреле 1786».

Стихотворный размер шотландского оригинала — четырехстопный ямб — был сохранен переводчиком, однако знаменитая «Бёрнсова строфа» (aaabab) преобразована посредством изменения схемы рифмовки — aabcb.

Традиционная тема рока, неизбежности судьбы получила отчетливое развитие в произведении шотландского поэта. Прелестному цветку, привлечшему внимание труженика, стойко перенесшему все невзгоды и сохранившему свою красоту, не избежать предсказуемой гибели:

Wee, modest crimson-tipped flow'r,
Thou's met me in an evil hour;
For I maun crush amang the stoure
Thy slender stem:
To spare thee now is past my pow'r,
Thou bonie gem» [25].

(Маленький, скромный цветок с малиновыми кончиками лепестков, ты встретился мне в зловещий час, ведь должен я вмять в пыль твой стройный стебель: убережь тебя не в моей власти, прекрасная жемчужина).

И здесь Козлов дает относительно точный перевод шотландского поэта. Употребляя лирические восклицания, русский поэт нарочито стремится подчеркнуть свое сожаление о неминувости злой участи и раскаяние в произошедшем:

Цветок пунцовый, полевой!
Ты, бедный, встретился со мной
Не в добрый час: тебя в красе
Подрезал я.
Жемчуг долин, не можно мне
Спасти тебя! (170).

Размышления автора о красоте цветка метафоричны: цветок сравнивается с девушкой, о чем отчетливо свидетельствует оригинальное использование женского рода в переводе Козлова в III строфе («Ты нежно, тихо расцвела, // Цветок любви» (170)) и далее, в V строфе («Из-под травы едва видна, // Цвела ты, прелести полна» (170)). Козлов дает девушке имя Мальвина, тогда как Бёрнс оставляет ее безымянной. Если Бёрнс рассказывает о себе, о разлуке со своей возлюбленной Джин Армор, то Козлов проводит параллель с Байроном, чью жену Аннабеллу Милбэнк (Annabella Milbanke) он называл Мальвиной в своем стихотворении «Бейрон».

Как видим, И.И.Козлов избирал для своих переводов наиболее близкие по духу стихотворения Бёрнса [см. 40]. Козлова привлекали патриотизм Бёрнса, воспевавшего простых людей, наделенных высокими моральными качествами, а также стремление шотландского поэта показать силу любви и бессилие человека перед судьбой.

Известно, что наибольший интерес вызывали у Козлова произведения английских поэтов-современников, прежде всего Дж.Г.Байрона, Т.Мура, В.Скотта, Т.Кэмпбелла, Ч.Вольфа, У.Вордсворта. Обращение Козлова к произведениям писателей про-

шлого У.Шекспира, Р.Бёрнса было своего рода свидетельством вечности и неизменной актуальности тем и проблем, поднятых в произведениях мировой классики. У.Шекспир и Р.Бёрнс во многом оказывались современниками русского поэта, которого в новом, XIX веке продолжали волновать проблема утраты человеческого счастья, проблема рока, предначертанности судьбы, мысль о необходимости повиновения воле провидения.

1. Гликман И.Д. И.И.Козлов // Козлов И.И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1960. С.17. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.
2. Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: Тип. А.Архангельского, 1902. Т.3. С.217.
3. Остафьевский архив кн. Вяземских: В 5 т. / Под ред. и с прим. В.И.Саитова. СПб.: Т-во А.Д.Ступина, 1899. Т.1. С.335-336.
4. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. Л.: ГИХЛ, 1952. Т.8. С.422.
5. Козлов И.И. Дневник / Публ. К.Я.Грота // Старина и новизна. СПб., 1906. Кн.11. С.41.
6. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Госиздат, 1954. Т.V. С.75.
7. Григорьев Ап. А. Стихотворения Ивана Козлова // Sertum bibliologicum в честь проф. А.И.Малеина. Пг.: Знание, 1922. С.243.
8. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.V. С.11.
9. Там же.
10. Shakespeare W. Othello, the Moore of Venice. N.Y., 1970. P.129.
11. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.V. С.73.
12. Московский телеграф. 1829. Ч.28. №14. С.195.
13. Там же. С.197.
14. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.V. С.72.
15. Алексеев М.П. // Русская литература. 1976. №1. С.7.
16. Афанасьев В.В. Жизнь и лира: Художественно-документальная книга о поэте Иване Козлове. М.: Дет. лит., 1977. С.63.
17. Жуковский В.А. О переводах вообще, и в особенности, о переводах стихов // Жуковский — критик. М.: Худ. лит., 1985. С.82.
18. Левин Ю.Д. О русском романтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л.: Наука, 1972. С.246-259.
19. Веденяпина Э.А. Мастерство И.И.Козлова-переводчика: особенности стиля // Метод, мировоззрение и стиль в русской литературе XIX в. М.: МОПИ им. Н.К.Крупской, 1988. С.26-33.
20. Топоров В.Н. «Сельское кладбище» Жуковского: к истокам русской поэзии / Russian Literature, North-Holland Publishing Company. 1981. Т.X. P.141-159.
21. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. С.17-23.
22. Burns R. Representative Poems of Robert Burns with Carlyle's Essay on Burns. Boston: HML, 1924. P.21.
23. Данилов Н.М. Иван Иванович Козлов. Пг.: Тип. А.Земцова, 1914. С.33.
24. Burns R. Representative Poems... P.46.
25. Ibid. P.45.
26. Корман Б.О. // Филологические науки. 1975. №4. С.35-46.